

Ты — моё счастье

Наталья Аверкиева

12+

Наталья Аверкиева

Ты – моё счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66564284

SelfPub; 2022

Аннотация

Это было так давно, что даже деревья уже не помнят. Мора – молодая деревенская ведьма, которая убивает взглядом и может обращаться. Ее боятся и ненавидят, а дом обходят стороной. Она одинока и нелюдима. Рядом с ней лишь волки и медведь – ее помощники и защитники, да соседка приглядывает за сиротой, а то совсем пропадет. Но однажды в доме Мора появляется младенец, который полностью меняет жизнь ведьмы. (Не)форматная сказка о самой настоящей и ценной любви.

Наталья Аверкиева

Ты – моё счастье

Толстая шершавая ветка векового кедра пахла свежей смолой: черные когти легко вспороли кору, выпуская вкусный запах наружу. Резкие порывы ветра трепали длинные черные волосы, пытаясь скинуть охотницу с высоты. Но это мало ее беспокоило. Она легко удерживала равновесие, чуть припадая к ветке. Труднее оказалось не сорваться к намеченной цели раньше времени. На деревьях то тут, то там сидели такие же охотницы, готовые рвануть к добыче и выхватить ее, унести. Воздух пах разнотравьем, хвоей и речной тиной с ближайшей реки – настоялся за день, прогрелся на солнце, разморился.

Издалека слышались тонкие женские голоса, проваливающиеся в протяжные подвывания и стоны. Пара десятков разновозрастных женщин в простых льняных рубашках и с распущенными длинными волосами, без каких-либо украшений, гуськом, извиваясь и пританцовывая, шли к лугу. Некоторые из них прижимали к груди детей – дань общины черным ведьмам. Матери истошно выли, младенцы громко орали, сопровождающие женщины пели унылые обрядовые песни, раскачивались и танцевали, размахивали над головами сорванными ветками берез и цветами.

Процессия медленно двигалась к выкошенному участку посреди луга, где в центре уже пылал огромный костер, вокруг которого совсем скоро женщины оставят детей, разойдутся в стороны и начнут водить хоровод, призывая темные силы, как призывали их предки за много столетий до и будут призывать после.

Она переступила с лапы на лапу. Чуть растопырила крылья. Взгляд выхватил того самого младенца, которого она должна схватить. Кто не получит свою жертву, тот останется голодным.

Вой усилился и уже начал раздражать. Младенцев разложили у костра. Женщины расходились в стороны, чтобы начать кружить в хороводе.

Она быстро глянула по сторонам – все готовы, ждут команды старшей. Подалась вперед, сосредоточившись на цели. Их много. Детей мало. Кто не получит свою жертву, тот останется голодным – навязчиво крутилось в голове снова и снова, подгоняя ее, заставляя двигаться. Она должна добраться до ребенка первой. Иначе праздник самой короткой ночи будет испорчен. Этого нельзя допустить.

Громкий и резкий птичий крик прервал женский вой.

Она нырнула с ветки, расправляя крылья, крепко вцепившись взглядом в упитанного карапуза. Боковым зрением она видела всё, что происходит вокруг, мгновенно ориентируясь в пространстве. Видела, как рядом с ней несутся такие же женщины-птицы. Как другая гарпия первой достигла ее мла-

денца, но была сбита более молодой и неопытной охотницей, просчитавшейся в полете. Обе покатались черным клубком, теряя перья от удара о землю. Она ловко спланировала и практически вырвала из лап третьей охотницы свою жертву. Быстро замахала крыльями, набирая высоту. Ребенок истошно вопил, но мощные когти крепко держали маленькое тельце, протыкая тонкую кожу, ломая нежные косточки.

Хищница самодовольно скалилась в полете, предвкушая славную трапезу. Маленькое трепыхающееся сердечко, которое она вырвет из груди, – вот самое большое лакомство для охотницы. И теплая кровь – самая вкусная, самая сладкая, самая нежная. Дважды в год гарпии получают дары от каждой общины. За это они не трогают людей в течение остального времени. Если какая-то община пытается противостоять им или отказывается приносить дары, охотницы уничтожают поселения, убивая и сжигая всех до единого. Правда, мясо, сердца и кровь взрослых не столь нежны как у младенцев, но в голодное время и это шло в пищу. А некоторые общины в качестве даров вообще приносили молодых девушек. Этих делили на всех, позволяя неопытным или старым охотницам тоже полакомиться. Не бог весть какая еда, но всё же...

Между деревьями то тут, то там, мелькали черные крылья других хищниц, слышались детские крики. Иногда охотницы пересвистывались друг с другом. Они летели к той самой горе, возвышающейся посреди леса, где на самом верху два-

жды в год собирались все гарпии и устраивали пир с песнями и танцами вокруг огромного костра. Только дважды в год – в самую короткую и самую длинную ночь. В остальное время они просто ведьмы, знахарки, травницы или добропорядочные матери больших семейств. А потом их начинает манить вкус крови.

На горе уже вовсю полыхал костер. Под черными крыльями совсем не видно земли. Внизу так много гарпий, что кажется, будто чернота ночи сошла на землю и стала осязаемой. Она не особо выбирала место – приземлилась на влажную не то от росы, не то от человеческой крови траву, и с удовольствием впилась в мягкое горло младенца, перекусывая ему шею и чувствуя, как кровь толчками наполняет рот. Да, она так долго этого ждала, так долго мечтала, за несколько дней чувствуя солоноватый привкус во рту. Потом разорвала безжизненную тушку, выковыривая когтями маленькое сердечко. Отправила его в рот, блаженно прикрыв глаза. Да, именно так – трепыхающийся комочек мышц, самый вкусный, самый сладкий...

– Мора идет! Мора идет! – неся впереди тревожный детский голос.

Мора шла по пыльной дороге к своему дому босая и в окровавленном льняном платье. Черные волосы распущены

и спутаны, словно они никогда не знали гребня. Лицо в черных пятнах. Во рту отвратительный привкус крови. Хотелось рукавом вытереть язык, но рукава тоже в крови. Она шаталась и очень плохо себя чувствовала, как будто слишком много выпила хмельного. События последних двух или трех дней полностью исчезли из ее памяти. Она лишь помнила этот манящий вкус крови, а потом – полный провал. И еще ее разрывало от ненависти и глубочайшего зла на всех и каждого. Казалось, любой косою взгляд – и она уничтожит, убьет без сожалений и раздумий. Злость была настолько осязаемой и реальной, что тянулась за ней следом длинной тенью-мантией, превращая цветы и траву в пожухлую массу. Если тень касалась деревьев, то те скидывали листву, птицы падали замертво, собаки начинали метаться и скулить. Люди торопливо прятались по домам, закрывали ставни, уводили детей. Все разбегались от шагающей по общине молодой женщины, как мыши, заведявшие кота, потому что знали – сейчас ведьма может убить одним взглядом.

Ее дом был крайним. Он стоял у самого леса. Большой, светлый сруб с дымоходом, самый добротный и крепкий, украшенный резьбой. У остальных жителей дома темные, низкие, а у нее новенький терем, как будто ему не сотня лет, а всего года два, даже пах еще вкусно. Двор обнесен частоколом в человеческий рост – идеально ровные бревна, одно к одному, с заостренными пиками. Нет, она не боялась, что к ней во двор придут незваные гости и нарушат уединение.

Она вообще могла не закрывать двери – люди ненавидели ее и безумно боялись. Давно бы сожгли, если бы ведьма не помогала и не лечила. В обычной жизни Мора сторонилась людей, и те отвечали ей полной взаимностью: обходили стороной, избегали встречаться взглядами, опасались даже судачить за ее спиной – проклятая умела читать мысли и за злой язык могла наказать или лесного зверя натравить, ибо скорая была на расправу, особенно в гневе. Никто не знал, когда точно она появилась в этой деревне. Казалось, что она была здесь всегда, хотя старики помнили еще ее мать – такую же ведьму.

Мора толкнула калитку, чувствуя, что силы покидают ее. Ей навстречу выбежал волк. Приветливо завилял хвостом. Лизнул руку.

– Пойди, Дружка, еле держусь, – отмахнулась Мора, сделала еще пару шагов, прикрыв калитку за спиной, и только после этого тяжело опустилась наземь. Черная тень осталась снаружи, как будто мантия расстегнулась и упала.

Волк начал ласкаться, подставлять голову, тыкаться холодным носом в ладони. Мора обняла его, зарывшись лицом в жесткую шерсть, и заплакала. Она совсем ничего не помнила. Дважды в год несколько дней выпадают из ее памяти, а потом она находит себя посреди леса в одном нижнем платье, иногда всю залитую кровью, и, разбитая, тащится босиком домой. Даже превращаясь в кошку, собаку, волчицу или медведицу она всё помнит, а вот эти несколько дней – нет.

Всё очень быстро забылось и вернулось на круги своя. Всё лето ночью и на заре Мора собирала лечебные и волшебные травы, способные затянуть любую рану, притянуть удачу или нагнать бесов. Днём занималась нехитрой работой в огороде и по дому. Ну как занималась... Нагонит к себе помощников, усядется на бревнышке под березой и руководит ими – велит сделать то да это, благо за частоколом не видать, кто у нее там в огороде копается. А она может какого зверя лесного попросит или человека, который перед ней провинился, заставит. И ей польза, и помощникам труд. Часто к ней с просьбами заходили люди с общины или из соседних деревень приезжали: у кого корова захворала – Мора, помоги, у кого урожай гибнет – не навел ли кто чубася*. Иные детей к ней тащили. Часто бабоньки забежали – у кого сердце от любви болит, а кому и от соперницы нужно избавиться, кто-то соседку злую просит проучить, кто-то из зависти напакостить хочет. Всякий люд к ней заглядывал. Платили щедро – мясо несли, яйца, молоко, репу, не голодала Мора даже в голодные годы, жила в свое удовольствие.

По осени часто в лес стала ходить – торопилась последние лечебные травки собрать, ягодами и грибами запастись. Бер* бока наел, шерсть нарастил, к спячке начал готовиться. Он с самим Хозяином был дружен, просьбы с ним Мора Хозяину леса передавала, поклоны клала, защиты просила, помощи, батюшкой его называла. Велес* не обижал ее, помогал, в траву и корешки силу вкладывал, ягод в изобилии ей давал,

орехов да грибов не жалел. А она ему дары приносила – мед, молоко да бражку клюквенную. Через Бера передавала.

Была у нее еще защитница и проводник по дальним уголкам леса – волчица* Сила. С ней Мора играть любила. Обернется ведьма волчицей и носится по всему лесу, где человеческая нога не хаживала. А когда человеком ее встречала, то всю заласкает, загладит, зацелует свою Силушку. Сила ей и щенка своего подарила, Дружку, чтобы в деревне защищал ее и оберегал от людей худых. С Морой Дружка ласковым был, как кутенок с матерью, а с чужими – зверь лютый, волчище матерый, никого во двор не пускающий. Так и жили.

Потом пришла зима, накрыла землю белым покрывалом. В солнечные дни Мора в лес часто уходила. Уйдет далеко-далеко, сядет на валежнике и наслаждается тишиной, лес слушает, птиц подкармливает, с лисами да сороками болтает, зайцам и лосям помогает, а то просто так сидит, снежные шапки на могучих кедрах изучает. Лес у них большой, богатый, черный. Если с Велесом дружишь, то живым выйдешь, а если нет – закружат слуги его, заманят, погубят. А Море хорошо. Спокойно. Вон и Силушка клубком в ногах свернулась. Тяжелая она, через месяц рожать будет. Поможет ей Мора с щенками.

За несколько дней до самой длинной ночи, когда Карачун* преломляет день и поворачивает Колесо Жизни вспять, а люди начинают жечь костры, чтобы помочь Яриле* одержать победу над смертью и возродиться, во рту опять по-

явился вкус крови. Пришлось Море в лес уходить не в короткие часы света, а ближе к вечеру, когда сумрак опускается на землю. Никто и никогда не знал, когда это произойдет. В какой-то момент она просто закрывала глаза и терялась в темноте, а потом находила себя босую и почти раздетую в лесу... Зимой главное не замерзнуть...

Охотница кружила над лесом, выбирая к какой стае лучше прибиться – к той, где дары берут побогаче, или полететь туда, где соперниц поменьше, а значит шансы схватить младенца гораздо выше. В прошлый раз всё вышло идеально. Она оскалилась в кривой ухмылке. Сделала еще круг и, сложив крылья, нырнула в черноту леса.

Она знала лес так, как не знала саму себя. Могла летать между деревьями с закрытыми глазами, не боясь наткнуться на ветку, удариться о кедр или дуб. Она ловко облетала препятствия, наслаждаясь полетом и колючим ветром, бьющим в лицо, чувствуя в руках-крыльях неведомую силу. Иногда сбивала снег с мохнатых лап елей и смеялась, когда сугроб падал на голову нерадивого мужика, зачем-то потащившегося в черный лес в черные дни. Безумцы! Они словно сами просились стать дарами для черных ведьм. И многие охотницы этим пользовались.

Запах костра манил к себе, заставляя лететь на пределе

сил.

Она знала каждое поселение в округе. До некоторых нужно лететь долго, но те общины маленькие и дары приносили очень скромные, поэтому и гарпий* там было мало. А другие, ближайшие, — большие и сильные, дары богатые, но и соперниц там больше, слетаются как воронье, того гляди друг друга подавят.

Вот уже слышатся обрядовые песни и видны сквозь деревья языки костра. Она совсем близко. Вот-вот.

Громкий крик старшей, разрешающий забрать дары.

Она ястребом кинулась с высоты на ближайшего младенца. Схватила его лапами и взмыла ввысь, обойдя всех соперниц в охоте. А теперь быстрее на гору, где пир и веселье до утра.

На горе, как и в прошлый раз, уже некуда опуститься. Она спланировала вниз, выбирая место так, чтобы добычу никто не отобрал. Приземлилась и разжала лапу, роняя ношу на белый снег. Склонилась, чтобы разорвать плоть и напиться крови. И встретилась с совершенно осознанным взглядом ребенка. Вместо того, чтобы истошно вопить, младенец смотрел на нее, дрыгал ручками и улыбался беззубым ртом. Охотница отпрянула, рассматривая свою жертву. Ребенок что-то гулил, пускал слюни и... улыбался. И она не смогла перегрызть ему глотку. Она во все глаза смотрела на него, поворачивая голову то так, то эдак. Принюхивалась к такому странному и почему-то волнительному запаху. И не

могла убить. Другая охотница метнулась к ней, стараясь в безуспешной попытке украсть дар, но она с силой ударила нападающую крылом, схватила младенца и улетела.

Ребенок истошно орал уже несколько часов подряд. Мора внимательно следила за ним, от любопытства вытянув шею и до боли в пальцах вцепившись в столешницу. Откуда это чудо взялось у нее на столе – она понятия не имела. Нет, детей-то она повидала разных – здоровых, больных, кривых, косых. К ней часто приносили младенцев и просили зашептать то шишку пупочную, то кривоту поправить, то корки кровавые с лица убрать, а то и доли счастливой дать да от браги заговорить. Но сейчас младенец был совершенно один, лежал на столе и не понятно было, что с ним делать. За это время она рассмотрела, что это девка, ладная девка будет, красивая, доля у нее счастливая, смеяться часто будет, любить ее будут. Вот только свежие царапины на боках, словно Бер неудачно помял, заживут белыми шрамиками – будет ей память на всю жизнь. Откуда ж чудо такое чудесное взялось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.